

СЕНАТ И СЕНАТОРСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ В «RES GESTAE» АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Ю.В. ХАРЧЕНКО¹
С.А. КОШАРНАЯ²

¹⁾ Воронежский государственный университет

e-mail: JVKharchenko@mail.ru

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: kosharnaya@bsu.edu.ru

Во 2-й половине IV в. римский сенат перестал быть верховным органом государства и в значительной мере потерял былое политическое влияние. В его ведении остались преимущественно частные вопросы, касавшиеся управления городом Римом. Вместе с тем, духовный авторитет сената оставался на достаточно высоком уровне, отражая представления современников о сенате как вместилище древних римских традиций и ценностей. Сенаторское сословие оставалось высшим в империи, его представители занимали важнейшие государственные посты, обладали огромными земельными владениями и богатствами. Однако в сознании интеллектуальной элиты римского общества постепенно складывалась картина общего упадка нравов в среде римской аристократии, что отразилось в крупнейшем историческом и литературном произведении IV в. – «Res Gestae» («Деяния») Аммиана Марцеллина.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, 2-я половина IV в., сенат, сенаторское сословие, трансформация социально-политической системы, нравственный упадок.

Несмотря на то, что со времен Диоклетиана Рим перестал быть политическим центром Римской империи¹, он оставался идейной столицей. Моральный престиж «Вечного города» в IV в. не только не ослабел, но действительно возрос и окреп в восприятии современников², о чем свидетельствуют многие источники³. Исследователи неоднократно отмечали, что для Аммиана Марцеллина всего дороже город Рим и его традиции. Для историка Рим – это «достолавный город», «добрый, разумный и богатый отец», «владыка и царь». Такое отношение в полной мере распространялось и на римский сенат, по-прежнему воспринимаемый как самый авторитетный орган империи.

Собственно сами термины *senatus* и *senator* фигурируют в произведении Аммиана Марцеллина нечасто. Применительно к IV веку они употребляются всего несколько раз (XIV.10.5; XXI.10.7; XXI.12.24; XXII.2.4; XXII.7.6; XXVI.6.5; XXVI.3.4; XXVIII.1.23; XXVIII.4.27; XXVIII.1.16; XXVIII.1.24; XXVIII.1.29; XXVIII.1.54; XXVIII.4.17; XXVIII.4.9; XXIX.1.17). Иногда сенат, как определенная социальная группа обозначается термином *nobiles* (знать)⁴.

Несмотря на то, что в период Поздней империи значение сената было существенно принижено, в «Res gestae» он иногда выступает как орган, имеющий значительное политическое влияние. Так из нескольких писем Юлиана городам Аммиан Марцеллин особое внимание уделяет письму в римский сенат, признавая его роль в легитимации Юлиана как августа⁵. Также и в отношении Прокопия говорится, что тот искал подтверждения узурпации со стороны сената (XXVI. 6.18).

¹ Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 169–171; Ensslin W. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. Aachen, 1963. S. 28; Laqueur R. Das Kaisertum und Gesellschaft des reiches // Probleme der Spätantike. Stuttgart, 1930. S. 1–38; McGeachy J. Quintus Aurelius Symmachus and the Senatorial Aristocracy of the West. Chicago, 1942. P. 58–61; Straub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 175–204.

² Courcelle P. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1964. P. 134–161; Gera G., Giglio S. La tassazione dei senatori nel terdo impero romano. Rome, 1984. P. 32–33; Pignaniol A. L'Empire chrétien. Paris, 1972. P. 263.

³ Amm. Marc. XVI, 10; Paneg. lat. II, 13; IX, 19; XII, 47,3; Aur. Vict., Caes. 28, 2; 41,17.

⁴ Demandt A. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965. S. 14.

⁵ Stroheker K.F. Der senatorische Adel im spätantiken Gallien. Darmstadt, 1970. S. 14–21.

В целом во 2-й половине IV в. сенат, как и прежде, представлял собой собрание представителей самых знатных родов и фамилий. У Аммиана он выступает в качестве значимого политического института, хранителя римских традиций, полномочия которого оставались достаточно широкими. Так сенат с помощью префекта города Рима, который назначался из представителей сенаторского сословия, управлял всеми внутренними делами, руководил муниципальными службами, полицией, учебными заведениями, ведал организацией зрелищ и цирковых игр, осуществлял надзор за городской казной. Сенат решал множество хозяйственных вопросов, следил за поддержанием в хорошем состоянии городских стен и строительством общественных зданий, водопровода и канализации⁶.

Сенат также выступает у Аммиана в качестве значимого политического института, способного следовать мнению, не совпадающему с мнением императора. Примером может служить рассказ о деятельности Максимиана в Риме. Дело Гиметия, бывшего проконсула Африки, после апелляции императору было передано на рассмотрение сенату, который вынес менее суровый приговор, чем ожидал Валентиниан (XXVIII. 1.23). Даже некоторое противодействие Юлиану рассматривается Аммианом как проявление «благородства» сенаторов, которые в ответ на письмо с упреками в адрес Констанция потребовали уважения к тому, кто предоставил цезарю власть (XXI. 10.7).

Обращает на себя внимание тот факт, что под термином *senatus* Аммиан понимает сенат города Рима. Константинопольский сенат упоминается только один раз при описании въезда Юлиана в Константинополь (XXII. 2. 4). Возможно, такое употребление терминологии объясняется ориентацией историка на сенаторскую аристократию Рима, которая составляла его аудиторию. Однако, мы полагаем, что этот факт имеет более сложное основание и отражает реальные трансформационные процессы в рамках всей социально-политической системы Римской империи, и, прежде всего, в недрах самого сенаторского сословия. В IV веке оформилось известное разделение сената и сенаторского сословия, деятельности сената и принадлежности к сенаторскому сословию. Значительная часть сенаторов 2-й половины IV в. – это новая служило-землевладельческая аристократия, представлявшая собой некий синтез старой сенаторской и муниципальной знати⁷.

В IV в. наблюдался существенный рост численности сената за счет большого ежегодного притока должностных лиц, провинциальных аристократов, дворцовых служащих, а также людей знатного происхождения из восточных провинций, добившихся литературной известности (XXI. 10. 6). Однако, такое положение вещей характерно преимущественно для сената в Константинополе. Со времени правления Констанция, по свидетельству Фемистия, число сенаторов возросло с 300 до 2000 человек (XLIb, 527), причем не за счет старой знати (Liban. Orat. XLII, 22). Но, несмотря на многочисленность, Константинопольский сенат не смог достичь престижа старого римского сената. Как заметил Либаний, «во всем константинопольском сенате не было таких почетных граждан, предки которых хотя бы четыре поколения назад занимали гражданские должности: были послами и руководили общественными работами» (Liban. Orat. XLII, 22). Другим он был и по духу. Римский сенат все еще хранил память о тех днях, когда он управлял империей. Он сохранил традиции независимости и даже враждебности по отношению к императорам, ревниво относился к привилегиям, но, так как императоры редко селились в Риме, сенат мало соприкасался с правительством императора. Константинопольские сенаторы были, прежде всего, должностными аристократами, получившими свои посты в результате императорского расположения. Восточный сенат, таким образом, никогда не развил в себе дух независимости, присущий сенату Рима. Многие новые сенаторы были незнатного происхождения. Среди них были начальники солдат, которые подобно Арбецию,

⁶ Arnheim M.T.W. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford, 1972. P. 169–171.

⁷ Barnes T.D. *Who were the Nobility of the Roman Empire?* // *Phoenix*. 1974. Vol. 28. P. 444; Talbert R.J. *The Senate of the Imperial Rome*. Princeton, 1984. P. 35–38.

поднялись из рядовых. Как замечает Аммиан, они «из глубины бедности поднялись к огромному богатству» (XXII. 4.4).

Таким образом, симпатии Аммиана Марцеллина к римскому сенату легко объяснимы. Историк тяготел к старой римской аристократии, той идеологии, которой она придерживалась, системе ценностей, которую она олицетворяла⁸. Поэтому, как нам кажется, Аммиан пытается отвести сенату более значимую роль в политике. Однако, при этом историк дает сенату крайне отрицательную характеристику в рамках описания общего упадка нравов в государстве.

Отметим, что при характеристике состояния римского общества, Аммиан больше внимания уделяет аристократии, которая подвергается у него более жесткой критике. Поэтому важным является вопрос определения, кого же понимает историк под категорией «знать», направлена ли его критика на все высшее сословие империи, или она имеет конкретного адресата.

Анализируя текст источника, можно отметить, что Аммиан пользуется преимущественно общими терминами, среди которых наиболее часто встречаются: человек высшего сословия (*honestus*), знатные люди, знать (*nobiles, nobilium*), знатные фамилии (*familiarum nobelium*), самая древняя знать (*priscis maioribus nobilem*). Иногда Марцеллин прямо указывает, что под знатью он понимает, прежде всего, сенаторов (XXVIII. 4.17). Например, «по решению знати (то есть сената), было отправлено к императору посольство» («*nobilitatis decreto legati mittuntur*». XXVIII. 1.24). После достаточно обширного описания пороков аристократии и переходя к характеристике черни, Аммиан говорит, что «на этом я закончу о сенате» (XXVIII. 4.27). Таким образом, на первый взгляд складывается впечатление, что Марцеллин обращается к высшему сословию в целом, и в своих критических замечаниях не делает различий между отдельными категориями аристократии. Тем не менее, мы придерживаемся точки зрения о дифференцированном подходе к различным слоям римской знати. С одной стороны, та часть аристократии, которая представляла старые патрицианские фамилии, практически не критикуется историком, в то время как большинство новой городской знати, разбогатевшей в последнее время, благодаря интригам, полученным званиям и назначениям, вызывает презрение и ненависть Марцеллина (XIV. 6. 12-18; XIX. 12. 1-6; XXVI. 6.7; XXVIII. 1. 33-56). Историк называет лиц, поднявшихся по социальной лестнице по воле деспотических императоров, «подонками общества», и жалеет, что произвол создает условия для вертикальной динамики, что пагубно отражается на состоянии римского общества и государства. С другой стороны, и в рамках первой группы его суждения различаются. Так Марцеллин с глубоким уважением отзывается о некоторых представителях знати, как правило, принадлежащих кружку Симмаха. Например, он хвалит сенатора Претекстата, который, по его словам, «сочетал благородный образ мыслей с древнеримской суровостью» («*praeclarae indolis gravitatisque priscae senator*». XXII. 7.6), был честен и строг, достойно выполнял обязанности префекта Рима (XXVII. 9. 8-10; XXVIII. 1. 24-25). Высоко он оценивает сенаторов Симмаха и Максима (XXI. 12.24). Симмаха он считает человеком исключительной учености и высоких душевных качеств и называет прекрасным префектом Рима (XXVII. 3.4). Однако, префект претория Проб (XXVII. 11. 1-5), префект Рима Лампадий (XXVII. 3.5) и знатная семья Анициев (XVI. 8.13), в числе прочих, получают крайне негативную оценку историка, несмотря на то, что они также принадлежат к древним аристократическим фамилиям.

Такая позиция Аммиана Марцеллина, как нам кажется, объясняется двумя моментами. Во-первых, идеологическими и социально-политическими взглядами историка, согласно которым он симпатизирует сенаторам, оппозиционно настроенным к политике правящих императоров. Поэтому он критичен в отношении сторонников режима, проводников деспотизма и произвола верховной власти. Во-вторых, видимо, не последнюю роль сыграли личные причины, в частности неуважительное

⁸ Laqueur R. Das Kaisertum und Gesellschaft des reiches // Probleme der Spätantike. Stuttgart. 1930. S. 1-38.

отношение большинства аристократов к личности историка, проявленное ими в период его пребывания в Риме⁹.

Представители аристократии, забывая, что «первое условие счастливой жизни – слава Отечества», стараются увековечить себя в статуях, «словно в медных мертвых изображениях заключена награда более высокая, нежели в сознании за собой честной и благородной деятельности» («ex his quidam aeternitati se commendari posse per statuas aestimantes eas ardentem adfectant quasi plus praemii de figmentis aereis sensu carentibus adepturi, quam ex conscientia honeste recteque factorum». XIV.6.8). Яркий приверженец древних римских традиций Марцеллин утверждает, что только люди достойные, действовавшие на благо и во славу Рима, заслуживают почета и «позолоты этих статуй», как, например, Марк Ацилий Глабрион, который «силой оружия и своей умелостью победил царя Антиоха» (XIV.6.8). Примером поведения истинного римского гражданина для Аммиана Марцеллина выступает Марк Порций Катон Старший (ок. 234-149 гг. до н.э.), прославившийся своей ревностной защитой древних римских традиций, нравов и обычаев. Когда его однажды спросили, почему его статуи нет среди множества других, он сказал: «Я предпочитаю, чтобы разумные люди удивлялись, почему я этого не заслужил, чем чтобы они про себя с осуждением с осуждением толковали о том, чем я это заслужил, это было бы много обиднее» (XIV. 6. 8).

Другие представители римской аристократии видят высшее отличие в обладании различными предметами роскоши, высокими колесницами, великолепными одеждами, которые они делают из чрезвычайно тонкой материи, и «откидывают частыми движениями руки, чтобы просвечивали широкие бордюры и туника, вышитая изображениями различных звериных фигур» (XIV. 6.9). Они преувеличенно хвалятся размерами своих поместий, умножая ежегодные доходы со своих плодородных полей, раскинувшихся с самого востока до крайнего запада. При этом современная знать забыла, что «предки их, благодаря которым достигло таких размеров римское государство, стяжали славу не богатствами, а жестокими войнами: ни в чем не отличаясь от простых солдат по имуществу, пище и одежде, доблестью они сокрушали всякое сопротивление» («ignorantes profecto majores suos, per quos ita magnitudo Romana porrigitur, non divitiis eluxisse sed per bella saevissima, nec opibus nec victu nec indumentorum vilitate gregariis militibus discrepantes opposita cuncta superasse virtute». XIV. 6.10). И снова за примером Марцеллин обращается в прошлое, рассказывая, что Публий Валерий Публикола при своем положении в обществе и популярности был настолько беден, что расходы на его погребение были покрыты вкладчину; вдова Марка Отилия Регула – победителя в морском сражении при Экноме в I Пунической войне, оставшись без средств с детьми, жила на пособия от друзей ее мужа; а дочери Сципиона Африканского из государственной казны было выдано приданое, так как знати было стыдно, что девушка остается не замужем из-за продолжительного отсутствия своего неимущего отца (XIV. 6.11).

Марцеллин представляет современную знать как чванливую, высокомерную массу. Они готовы сравнивать свои путешествия с походами Александра Великого или Цезаря, если им пришлось проехать подальше для осмотра своего имения или для участия в большой охоте. Если кто-то возвращается со службы при особе императора или из похода, то в его присутствии никто не смеет открыть рот, и он на всех собраниях является как бы председателем (XVIII. 4. 18-20). Аристократы предпочитают общаться и приглашать на свои пиры тех, кто «шатается у дверей, возниц цирка, мастерски играет в кости или выдает себя за человека, знакомого с тайнами науки чернокнижья» (XIV. 6.14). Людей же серьезных и образованных, как отмечает автор, они стараются избегать, считая их скучными и бесполезными, окружая себя «безродными проходимцами». При таких условиях даже немногие дома, прежде славные своим серьезным вниманием к наукам, погружены «в забавы позорной праздности, и в них раздаются песни и громкий звон струн» (XIV. 6. 18). Некоторые знатные люди «боят-

⁹ См.: Treadgold W. The Early Byzantine Historians. L: Palgrave Macmillan, 2010. P. 47-78.

ся науки как яда» и не берут в руки никаких других книг, кроме сочинений Ювенала и Мариа Максима. А между тем, по мнению Марцеллина, людям высокого положения и знатного происхождения следовало бы читать много различных книг, следуя примеру Сократа, который даже перед смертью старался получить новые знания, «чтобы уйти из жизни, зная еще чуть-чуть больше» (XXVIII. 4.14).

Знатные люди в Риме в сопровождении огромной толпы рабов охотно посещают термы и различные увеселения. Больше всего они интересуются конными скачками и блудницами, в то время, как ранее по законам нравственности сенатору нельзя было даже поцеловать жену в присутствии собственной их дочери, под страхом исключения из сената за подобный поступок, как произошло с сенатором Манилием во время цензуры Катона Старшего. Аристократы окружают себя льстецами, играющими роль паразита древней комедии. «Как те льстят хвастливым солдатам, приписывая им осады городов, битвы и тысячи убитых врагов, уподобляя их героям, так и эти до небес превозносят знатных людей, восхищаясь высоко вздымающимися рядами колонн с капителями наверху и любясь стенами, ослепляющими взор блеском мрамора» («*ut enim illi sufflant milites gloriosos, obsidiones urbium et pugnas et milia hostium isdem ut heroicis aemulis adsignantes, ita hi quoque columnarum constructiones alta fronte suspensas mirando, atque parietes lapidum circumspicis coloribus nitidos, ultra mortalitatem nobiles viros extollunt*»). XXVIII. 4.12).

Дни и ночи знать проводит в пирах и игре в кости. Марцеллин отмечает, что при общей слабости в Риме дружеских отношений прочны только те связи, которые возникают за игорным столом, «как будто они приобретены потом славных дел». Показателен пример лицемерия, которое проявляют люди знатные по отношению к своим друзьям. Аммиан отмечает, что в Риме часто свирепствуют болезни, в «борьбе с которыми оказывается бессильно всякое врачебное искусство». Но, по словам Марцеллина, знать придумала для себя спасительное средство: не посещать заболевших друзей, а рабов, которых посылают справиться о состоянии больных знакомых, не пускают домой, пока они не очистят тело в бане. Однако, описав эти меры, действенные в борьбе с эпидемиями, Марцеллин здесь же язвительно замечает: «Но если их пригласят на свадьбу, где гостям раздают золото, то те же самые люди, соблюдавшие такие предосторожности, готовы, даже если и плохо себя чувствуют, скакать, хотя бы в Сполетий» (XIV. 6.24).

Знатные люди жестоко обращаются со своими рабами, но никогда не забывают, что они являются их имуществом. «Так, если раб несколько запоздает принести горячей воды, отдается приказ наказать его тридцатью ударами плетью; если же он намеренно убьет человека, и присутствующие настаивают, чтобы виновный был наказан, то господин восклицает: «Чего же ожидать от подобного негодяя и мошенника? Если в другой раз он посмеет сделать что-нибудь подобное, то я его накажу» («*Ita autem pauci sunt inter eos severi vindices delictorum ut, si aquam calidam tardius attulerit servus, trecentis affligi verberibus iubeatur: si hominem sponte occiderit propria, instantibus plurimis ut damnetur reus, dominus hactenus exclamet "quid faciat maniosus et nequam? et si quis aliud eius modi deinceps ausus fuerit, corrigetur"*»). XXVIII. 4.16).

Жадность, говорит историк, является отличительной чертой современной аристократии. Некоторые заискивают перед богатыми людьми, старыми или молодыми, и изворотливо склоняют их к составлению завещания в их пользу, после чего устраняют их разными способами. При этом нечестно нажитое имущество знати никого не приводит в смущение, а наоборот, вызывает зависть и стремление к подражанию. «Одни из них промышляли грабежом языческих храмов и, вынюхивая каждый случай, где можно было бы воспользоваться чем-нибудь, поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств. Усвоив привычку осваивать чужое, они не знали никакой меры в дарениях, грабеже и расточениях» («*pasti enim ex his quidam templorum spoliis, et lucra ex omni odorantes occasione, ab egestate infima ad saltum sublatis divitiarum ingentium, nec largiendi nec rapiendi nec absumendi tenuere aliquem modum, aliena invadere semper adsuefacti*»). XXII. 4. 3).

Пришли в упадок древние семейные устои. По свидетельству Марцеллина, патрицианская семья переживала глубокий кризис. Забыв обеты любви и верности, супруги всячески изощряются в вымогательстве друг у друга выгодных для них завещаний. «С двух сторон приглашаются юристы. Чтобы составить взаимно себя исключаящие документы, один – в спальне, другой, соперничающий с ним – в обеденном зале. К юристам присоединяются истолкователи знамений по внутренностям животных, противоречащие между собой в своих предсказаниях: те щедро сулят префектуры и погребения богатых матрон; а эти, как будто уже присутствуя при погребении мужчин, велят делать необходимые приготовления...» («et periti iuris altrinsecus adsciscuntur, unus in cubiculo, alter eius aemulus in triclinio, repugnantia tractaturi: isdemque subseruntur genitalium extorum interpretes controversi, hinc praefecturas profusius largientes et sepulturas divitum matronarum; inde ad exequias virorum iam iam adventantes necessaria parari oportere iubentes». XXVIII. 4. 26).

Аристократы делают безумные долги и не только не платят их, но всячески преследуют кредиторов, обвиняя их в колдовстве. Иногда кредитор попадал в тюрьму за долг своему же заемщику, и его не отпускали, пока он не признавал этот мнимый долг (XXVIII. 4.25).

Как еще одно свидетельство нравственного упадка в среде знати, Аммиан Марцеллин описывает проявления атеизма в сочетании с самыми грубыми суевериями. «Многие из них, отрицая существование высшего существа на небе, не позволяют себе, однако, ни выйти на улицу, ни пообедать, ни выкупаться, прежде, чем из основательного рассмотрения календаря в точности не узнают, в какой созвездии находится, например, Меркурий или какую часть созвездия Рака занимает на своем пути Луна» («Multi apud eos negantes esse superas potestates in caelo, nec in publicum prodeunt nec prandent nec lavari arbitrantur se cautius posse, antequam ephemeride scrupulose sciscitata didicerint, ubi sit verbi gratia signum Mercurii vel quotam cancri sideris partem polum discurrens obtineat luna». XXVIII. 4.24).

Свою характеристику знати Аммиан Марцеллин заканчивает цитатой из Цицерона: «Ничего на свете не признают они хорошим, кроме того, что приносит выгоду, и к друзьям относятся как к животным: любят больше всего тех, от кого надеются получить пользу»¹⁰ («nec in rebus humanis quicquam bonum norunt nisi quod fructuosum sit: amicos tamquam pecudes eos potissimum diligunt, ex quibus se sperant maximum fructum esse capturos». XXVIII. 4.26).

Крайне негативное отношение Аммиана Марцеллина к знати города Рима имеет, на наш взгляд, вполне определенные причины. Мы уже отмечали, что историк уделяет пристальное внимание именно римской аристократии, практически не касаясь положения знати других городов. Принимая во внимание отдельные факты биографии Аммиана, мы можем с уверенностью говорить, что Марцеллин критикует не всю патрицианскую знать, как социальную группировку, а представителей аристократических родов Рима, нанесших своим презрительным отношением оскорбление самолюбивому писателю. Известно, что Аммиан Марцеллин, поселившись в Риме, подвергся как чужестранец, преследованию властей и временной высылке из города. В 383 г. в Риме наступил голод, и был издан указ об изгнании из него всех иностранцев, в числе которых оказался и Марцеллин. «Нет сомнения в том, что, пока Рим был обиталищем всех доблестей, многие знатные люди старались удержать при себе – как гомеровские лотофаги сладостью своих ягод – разными любезностями благородных чужеземцев. А теперь многие в своем надутом чванстве считают низким всякого, кто родился за пределами городских стен...» («Illud autem non dubitatur quod cum esset aliquando virtutum omnium domicilium Roma, ingenuos advenas plerique nobilium, ut Homericum bacarum suavitate Lotophagi, humanitatis multiformibus officiis retentaban». XIV. 6.21-22). С глубокой обидой Аммиан рассказывает, что в то время, как из Рима

¹⁰ Cic. De amic., 21, 79.

удалили всех представителей знания и науки, были оставлены три тысячи танцовщиц и мимических актрис с их музыкантами и хормейстерами (XIV. 6.19).

Кроме того, историческое сочинение Аммиана Марцеллина было первоначально весьма холодно принято в кругах римской знати. Отсюда и обличение, порожденное оскорбленным самолюбием образованного «иностранца», занимавшего невысокое социальное положение, тяготившегося презрением невежественных представителей некоторых патрицианских родов. Правда, после возвращения в Рим Аммиану удалось найти влиятельных покровителей в среде высшей римской аристократии в лице сенаторов Претекстата, отца и сына Симмахов и других образованных аристократов – приверженцев идеи возрождения былого величия Рима. В их кружке, по свидетельству Либания, он читал отрывки своего произведения. Его исторический труд был удостоен высокой похвалы, поскольку привлекал не только идеями истинно римского патриотизма, консервативной приверженностью к традициям воинственного и некогда победоносного языческого Рима, но и своими оппозиционными настроениями в отношении деспотизма и своеволия императоров, вышедших из-под влияния сената и senatorской власти.

Аммиан Марцеллин является выразителем политической позиции знати, хотя и критикует пороки современной ему римской аристократии. Некоторые историки придерживаются мнения о том, что острая критика знати могла быть связана с представлением Аммиана о ведущей роли и большей ответственности аристократов в историческом развитии римского общества¹¹.

THE SENATE AND SENATORIAL ARISTOCRACY IN «*RES GESTAE*» BY AMMIANUS MARCELLINUS

Ju. V. KHARCHENKO¹
S.A. KOSHARNAJA²

¹⁾ *Voronezh State University*

e-mail: JVKharchenko@mail.ru

²⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: kosharnaya@bsu.edu.ru

In the second half of IV century the Roman Senate stopped being the supreme body of the state and lost its political influence to a great extent. In its charge there were mainly private issues left concerning the administration of Rome city. At the same time the spiritual authority of the Senate remained at a quite high level reflecting the contemporaries' views of the Senate as the receptacle of ancient Roman traditions and values. The senatorial order was still the most supreme in the Empire; its representatives held the most important posts; they owned huge estates and wealth. However, the picture of common moral decline in the aristocratic environment was taking shape gradually in the Roman brainpower's mind, which was reflected in the major literary work of IV century «Res Gestae» by Ammianus Marcellinus.

Key words: Ammianus Marcellinus, the second half of IV cent., the Senate, the senatorial order, the transformation of the social and political system, moral decline.

¹¹ Courcelle P. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1964. P. 134–161.